

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О «ЛИЦАХ» В. АГРАНОВСКОГО

Некогда сидел в тесной келье при сальной или восковой свече седобородый монах и заносил гусиным пером на бумагу — мол, суздальский князь Юрий Долгоруков пригласил северского князя Святослава: «Приди ко мне, брате, в Москву», и дал там гостю «кобед силен». Так отмечались события жизни.

Летописцы не вымерли, существуют и по сей день, но уже облик их совсем не келейный. Чаще всего это ничем внешне не выделяющиеся люди, как правило, общительные по натуре, наделенные предприимчивым характером, в житейском плане следующие весьма распространенному речению: «волка ноги кормят». Они почти не расстаются с командировочным удостоверением, проснувшись утром дома, вечером могут лечь спать где-нибудь за тысячи километров — в Заполярье или горах Памира, в гостинице районного городка или в палатке геологов в глухом углу тайги. Сегодня такой летописец прорывается к прославленному на весь мир академику, завтра корешкует с сельским парнишкой-трактористом; его интересует введение в строй нового комбината и охота ученых на неуловимую частицу нейтрино, успехи школьного воспитания и раскрытое криминалистами преступление, безотвальная пахота и запуск очередной космической ракеты. Все существенное, с чем сталкивается современный летописец, передается широкой огласке через газету. Именно разветвленные армии прессы ныне совершают то, что в свое время делали келейные Несторы и Пимены — журналисты, добытчики новостей, слуги осведомленности!

Валерий Аграновский, чью книгу вы сейчас держите в руках, — известный журналист и писатель.

Журналистика делится на два основных рода деятельности.

Первое — репортажно-хроникерское. Разверните любую газету, и вы увидите, что она создана пчелиным трудом информаторов. Не будем подходить к ним с оценками своих вкусов и взглядов, просто уясним себе, какое значение они имеют для нас. Без репортеров мы бы знали лишь только то, что происходит рядом с нами; наш жизненный кругозор был бы несравненно уже, а знания о современности беднее.

Однако журналистика не ограничивается поставкой информации, она пытается еще и осмыслять ее. Какими бы ни были газеты и журналы, но все они хорошо или плохо, объективно или пристрастно судят о текущих событиях, анализируют их.

Вот тут-то определяется второй род деятельности этой профессии — публицистика!

Публицист начинает с того, чем кончает репортер, — с добывшего факта! Но факт для публициста не имеет значения, если не будут установлены связи между ним и другими фактами, не проявится некоторая взаимозависимость, обобщающая разнородные жизненные явления.

Это уже сродни научному исследованию, с той лишь разницей, что свидетелями такого исследования оказывается не узкий круг специалистов, а весьма массовый, разнородный по своему составу читатель. Значит, необходимо добиваться доступности изложения, сложное облекать в простые формы, абстрактное преподнести здраво, а постулативное — образно. Публицист в идеале — своеобразный кентавр, обладающий свойствами ученого и художника.

Автор этой книги принадлежит именно к такой породе литераторов, в чьем творчестве строгая логическая последовательность совмещается с лепкой образов, безупречный анализ с глубоким колоритом.

Как бы резко ни отличалось репортажество от публицистики, но непроходимой пропасти между ними нет, они постоянно сливаются и на газетных полосах и в творческих биографиях. За два десятилетия работы в «Комсомольской правде» в качестве специального корреспондента Валерия Аграновского носило по всей стране от Балтики до Тихого, от Ледовитого до Каспия. Он был свидетелем великих строек и бурных дел, подвигов и преступлений, случалось ему одерживать дерзкие победы и подвергаться опасностям, подчас смертельным.

И вот такой видавший виды журналист, которого вряд ли чем можно удивить, хватается за событие...

Поздним вечером в переулке было совершено нападение... Убийство? Эпизод запутанной криминальной истории?.. Не совсем, хотя и грабеж, даже омытый кровью. Некто в каракулевой шапке с опущенным козырьком встал на дороге девушки, возвращавшейся домой, ухватился за сумку. А так как девушка не отпустила сумку, он ударил ее ножом по руке. Рана, однако, оказалась легкой, а ограбление выразилось в сумме... трех рублей с копейками.

Событие отнюдь не сенсационное, пожалуй, ни одна газета

не снизошла бы, чтобы упомянуть о нем под рубрикой «Происшествия», оно стало поводом для дворовых пересудов и разбирательства в отделении милиции. Впрочем, ненадолго, так как грабителя в каракулевой шапке с опущенным козырьком без особых затруднений ловят. Им оказался Андрей Малахов, ученик 8-го «Б» класса 16-й школы.

И вот, когда все уже всё забыли, когда рана на руке потерпевшей Надежды Рошиной давно заросла, а сам грабитель сидел в колонии, писатель-публицист Валерий Аграновский предлагает: «Вспомним, взглянем внимательней!»

Начинаются странные превращения... Неприглядное и в общем-то ничтожное событие разрастается до глобальных размеров, становится «большой бедой, идущей по нашей земле». Виновник преступления, уличенный, пойманный, изолированный, вопроса — кто виноват? — оказывается, не снимает. Наоборот, этот вопрос стал еще острее, требовательнее и запутанней. Простое оборачивается сложным, мелкое — бездонно глубоким, привычный мир — пугающе незнакомым.

Такие странные превращения, однако, не новость, каждый из нас не единожды сталкивался с ними, удивлялся им, принимал как великое откровение. Частный случай — приезжего шалопая принимают за ревизора — в передаче Гоголя становится масштабно всечеловеческим. Достоевский, толкнув на убийство Раскольникова, после этого мучительно решает вопрос вины и невинности, втягивает в это решение едва ли не все культурное население планеты. Умение различить за малым великое — за падающим яблоком закон всемирного тяготения, за неумеренным прекраснодушием некоего Манилова национальную черту «маниловщину» — и есть то, что, собственно, отличает проницательность от наблюдательности, талант от способности. В одинаковой мере это характерно как для науки, так и для искусства.

Воспитательница детсада, «искусственная мама» на 20, а то и 30 детей, воспитывает: «Взялись за руки! Сели за стол! Вытерли слезы! Дружно сказали!» И при таком «коллективном» воспитании можно ли обратить внимание на то, что один малыш украл в соседней группе лопатку...

В. Аграновский методично и безжалостно показывает, что вырастает из тех буднично мелких явлений, с которыми мы сталкиваемся постоянно, иногда досадуем, а чаще равнодушно проходим.

«Взялись за руки! Дружно сказали!..» — сначала лопатка, а потом выхваченный нож в переулке?..

Да нет, — говорит нам автор, — не обязательно. Может быть, просто неприязнь к коллективу, неумение скнуться с людьми, злобная агрессивность, махровый эгоизм... Нож в пе-

реулке? Да так ли уж он страшен — его легко заметить, он во-пиющ, а потому не трудно и обезвредить. Злобная же агрессивность, действующая не ножом, а выражением неприязни, оскорбительным словом, клеветой, будет вызывать такую же агрессивность у других, расползаться заразой по людям, отравлять жизнь тысячам. Цепная реакция проказы, а от нее ни милиция, ни судебные органы спасти не в силах...

Привычны гадания вокруг литературных героев — кто был их прототипом? Кто для Анны Карениной? Кто для Попрыгуньи? Почти всегда эти гадания умозрительны и бесплодны. У Чехова вызывала огорченное недоумение обида Левитана за то, что якобы он выведен в «Попрыгунье» в образе художника Рябовского. Писатель-беллетрист почти никогда не находит своего героя целинским, а, пропуская сквозь себя поток наблюдений, создает его по частям из многих находок. Воистину: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»

Публицист же пишет с натуры. Тут уже нужно говорить не о прототипах, а о том, с какой точностью изображен реально существующий человек, ставший моделью. Казалось бы, при таком показе невозможно дать широкие, обобщающие картины жизни, а лишь документальные фрагменты, частные сообщения по поводу данного случая и момента. «...Наши статьи и фельетоны не попадают в «мировую историю» (они только сырье для историка) ...» — признавался в конце двадцатых годов известный очеркист-газетчик А. Д. Аграновский, отец Валерия Аграновского. То есть мы даем сырье, обработать его суждено другим.

В. Аграновский не исключение среди журналистов, он тоже пишет с натуры, стремится к объективной, почти фактографической точности изображения какого-нибудь конкретного Михаила Федоровича Пирогова, водителя 1-го класса из Саратовского автоуправления. Читатель знакомится с ним, с его привычками, заботами, переживаниями, даже с тем, как он считает свои трудовые денежки. И вот, когда знакомство завершается, читатель обнаруживает, что имеет достаточно полное представление о шоферах вообще, что в их жизни на колесах отчетливо проступают некие стабильные общественные проблемы, что после шофера Михаила Федоровича ясней вдруг становится и литейщик Иван Иванович, и экспедитор Петр Петрович, и прораб строительства Сидор Сидорович. Разве такое обобщающее произведение — сырье, полуфабрикат? Как в науке, так и в искусстве обобщение является, так сказать, «конечной продукцией».

В одной из своих книг Валерий Аграновский цитирует слова Льва Толстого: «Художник для того, чтобы действовать на других,

должен быть ищущим, чтобы его произведение было искомием. Если он все нашел и все знает и учит, или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, читатель сливается с ним в поисках».

Бессмысленно ждать, что появится некий всевышний учитель, знающий все наперед. Никто не познает за нас нашу жизнь. Заслуга художника в том, что как можно большее число людей поднять на поиск.

На социально-педагогическую повесть В. Аграновского «Остановите Малахова!», печатавшуюся по частям в «Комсомольской правде», пришло 15 тысяч читательских писем. И как только печатание было закончено, по стране, можно сказать, прокатился шквал конференций, собраний, коллективных обсуждений повести. Это лишь внешние признаки слитного писательско-читательского поиска. Его преобразующую силу определить невозможно, еще пока нет таких социальных датчиков, которые бы показывали духовные изменения гражданина.

Поиск, поднятый Валерием Аграновским, продолжается. И сейчас вы, читатель, прочитав эту книгу, вступили в него.

B. ТЕНДРЯКОВ